

ЮБИЛЕЙ

ДОНАТАС БАНИОНИС. "НАТО ВСЕ ЗНАЮТ, А МЕНЯ НЕТ"

Знаменитый литовский актер за день до 80-летия рассказал "МК" о себе, войне и Путине

ди. Да и не надо мне. Я состоял только в одной партии. И то потому, что так было надо. А сейчас не надо.

— Чем стал для вас развал Союза: трагедией или праздником?

— Праздником. Почему? Ну так праздник, если он праздник, это и есть праздник... Сейчас, секундочку. Тут мобильный — моя жена кричит,

Будрайтис—Адомайtis—Банионис. Этот магический треугольник знаменитых литовских актеров долгие годы был для нас воплощением сладкой западной жизни. Вместе с их экранными героями мы гуляли по английским замкам, убегали от американской полиции и пили французское вино. С тех пор как Литва и сама стала для нас границей, минуло уже почти 15 лет. И где же наши старые знакомые? Регимантас Адомайtis мечется с одной европейской киностудии в другую, Юозас Будрайтис стал советником посла в России по культуре, а Донатас Банионис... А у него сегодня юбилей — замечательному литовскому актеру исполняется 80 лет. И уезжать из родного Вильнюса он никуда не собирается. Туда-то мы ему и позвонили.

что очень важно... (Слышится ласкающая слух литовская речь — всего пара фраз.) Да, все в порядке — я уже поговорил. О чем мы с вами, напомнимте, пожалуйста.

— Говорили: почему для вас развал Союза — праздник.

— Ну так свободу получили.

— Но у некоторых ностальгия по тем временам.

— Кто был чиновником, конечно, у них ностальгия. А для меня — нет, я никогда не был чиновником и от советской власти не зависел. Абсолютно никакой ностальгии — наоборот, ну что вы.

— А помните 1940 год, когда советские войска заняли Литву. Вам же тогда было...

— 17 лет. Да, конечно, помню. Первые дни мы радовались. Нам в кино показывали "Веселых ребят" — казалось, наступит рай, а не жизнь. А через две-три недели выяснилось, что рая не будет. А потом начались страшнейшие репрессии. Когда за одну ночь вывозили людей — тысячами. Никто не знал, за что, почему. Ни суда, ни адвокатов — человек не мог понять, в чем его вина. За полчаса решили, что ты враг народа, — и в Сибирь. После этого радоваться уже не хотелось.

— Понятно, что дело давнее. Но в душе осадок остался?

— Но это же политика, чего обижаться. Тем более, после того как Сталин умер, стало легче. Но что и говорить, "железный занавес" мне очень не нравился. Зачем закрываться, от кого? Ну терпел, а что делать, господа. Скажешь — ведь сам полетишь куда надо, в Сибирь.

— Господин Банионис, а правду говорят, что своей ролью разведчика в "Мертвом сезоне" вы повлияли на выбор профессии нашего президента?

— Вы знаете, если можете, спросите у него. Хорошо? А потом расскажете, что он ответил. Вот тогда я вам скажу: "Нет, это неправда" или "Да, это правда". Я не знаю, что он ответит. Ну спросите, будьте добры. И перезвоните мне потом.

— Договорились. А вы сами с Путиным не встречались?

— Встречался.

— О чем разговаривали?

— Ну (смеется): "Добрый день" — "Добрый день".

— О том фильме не вспоминали?

— Нет. Но вообще о кино разговаривали.

— Господин Банионис, а когда вы последний раз снимались в кино?

— Месяц назад, в Петербурге. Картина называется "Ленинград". А до этого, правда, еще не закончил, это многосерийный фильм, называется "Ниро Вульф и Арчи Гудвин". Сняли уже 18 серий и, говорят, что еще будем продолжать.

— То есть в Россию, в Санкт-Петербург, в Москву, вы с удовольствием приезжаете?

— Безусловно. Мне нравится: там и друзья мои, и люди хорошие.

— И напоследок. Не так давно, знаю, и вашей супруге Оне исполнилось 80. Для вашей семьи чей юбилей более важное событие — ваш или ее?

— О чем вы говорите! Супруги, безусловно. Она же женщина. А мой... чего там. Дома посидим, чай выпьем. И все.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

— Господин Банионис? И в ответ с характерным прибалтийским акцентом: "Да-да..."

— С каким настроением встречаете 80-летие?

— Ну-у, нормально. Хорошее настроение, наверное. Хотя немножко волнуясь, как пройдет. Потому что в театре, в Паневежисе, будет торжественный прием... Торжественный концерт, вернее, покажут отрывки из моих фильмов, может, и мне придется выступить. Потом будет играть симфонический оркестр... В общем, большая программа. Вот и волнуясь немножко.

— Волнение, сравнимое с выходом на сцену во время спектакля?

— Нет, перед спектаклем репетируешь, готовишься. Здесь же радостное волнение. Это другое, совсем другое.

— Ваш юбилей для Литвы — общенациональный праздник?

— Что вы, не дай бог! Нет, сейчас праздник — это вступление в НАТО. А мой юбилей... это событие совершенно другого уровня. Вот там — точно всенародный, любимый праздник. Все любят НАТО и этот, как он там называется... Эвросоюз (неповторимый колорит прибалтийского актера). А меня не все любят.

— Почему? За что вас можно не любить?

— О чем вы говорите: многие даже не знают, кто я такой. НАТО все знают, а Баниониса не все.

— А у нас в России Баниониса знают все.

— (Смеется.) Может, в России и так, в Литве — нет.

— А еще у нас в России известные люди любят отмечать свои юбилеи пышно, торжественно, с помпой. А у вас?

— Не знаю, посмотрим. Впереди еще два дня. Когда все закончится — скажу вам. Может, ничего и не будет.

— Скажите, вы по-прежнему руководите театром в Паневежисе?

— Не-е-ет, что вы! Я ушел из театра уже шесть лет назад. И работаю по договору. Как актер. Куда меня приглашают играть, там я и играю. Постепенно все меньше, меньше. Сейчас осталось всего два спектакля: одна постановка в Вильнюсском национальном (подчеркивает интонацией именно это слово) театре — спектакль "Встреча" о Бахе и Генделе, и в Паневежисе играю, называется "У золотого озера". Там у меня тоже главная роль. Вот и получается: в месяц один спектакль в Вильнюсе, один в Паневежисе.

— В Вильнюсе и в Паневежисе — здоровые позволяют постоянно переезжать из одного города в другой?

— Какой переезд, господа! Из Вильнюса в Паневежис всего полтора часа езды. Один-два раза в месяц — это ерунда. Если езжу в Москву, Петербург — вот это труднее, а Паневежис — какой вопрос.

— Господин Банионис, ваш друг и коллега Юозас Будрайтис теперь состоит на важной должности при посольстве Литвы в Москве. Вам никогда не предлагали занять тот или иной политический пост?

— Ни-ко-гда.

— Почему?

— Потому что знают меня. Я не политик. Да и кто меня будет звать, кому я нужен, госпо-